

Евгений Воробьев

СОЛЬ ЗЕМЛИ

ФРАНТИШЕК КШЕЧКОВСКИЙ ПУТЕШЕСТВУЕТ В ПРОШЛОЕ ВЕЛИЧКИ

Вряд ли сыщется человек, который знает эту шахту лучше, чем Франтишек Кшечковский.

Старый горняк выглядит моложе своих пятидесяти восьми лет — худощав, с впалыми щеками и жилистой шеей, с бровями, высоко поднятыми у переносицы. На висках и на кончиках усов видна седина — словно в этих местах проступила соль.

Подростком, почти мальчиком, он впервые опустил под землю и увидел залежи каменной соли. Эту соль всю жизнь добывал дед Кшечковского, добывал отец, и Франтишеку была уготована та же судьба.

Сперва он оттаскивал от забоя груженный солью ящик на колесах. Горняки называли этот ящик «шахтным псом», потому что ржавый скрип его колес напоминал собачий лай. Затем Кшечковский нагружал эту соль лопатой, затем взял в руки кайло и стал забойщиком. По многу часов подряд он не выпускал кайла из рук. Все труднее было прокормить семью: у него уже росли четыре дочери и сын. Кшечковский всегда так усердно молился святой Варваре, покровительнице горняков. Почему же она не хотела внять его мольбам? Почему достаток, или, по-польски говоря, «добробыт», никак не решался переступить через порог его дома, а нужда не хотела этот дом покинуть?

Без малого сорок лет Кшечковский ежедневно ощущает вкус соли на губах. Вся одежда его бывает просолена, как доски сельдяной бочки. Ему приходилось работать до седьмого пота, так что рубаха прилипала к телу и крупинки соли, пропитавшей рубаху изнутри, смешивались с солью, которая осыпала рубаху снаружи.

Затем Кшечковский, уже многоопытный забойщик, стал младшим маркшейдером, по-польски «мерничим». Очевидно, в выдвижении сыграла роль его неутомимая любознательность, умение ориентироваться под землей, читать «пласты». Немало диковинных кристаллов соли было найдено в шахте Кшечковским. Пан управляющий забирал их и одаривал красивыми безделушками знатных посетителей шахты, ясновельможных господ, отправлял эти подарки каким-то сиятельствам в Вену и Краков. И это Кшечковский нашел кристалл соли, в середине которого волшебным образом осталась вода. Она переливалась там внутри, когда кристалл перевортывали. Пришлось отдать и эту драгоценность в чужие руки.

Килограмм соли стоил жалких двадцать грошей. Но рабочих ежедневно

обыскивали: не украл ли кто несколько горстей соли? При грошовом заработке и двадцать грошей — капитал. Стражники вывертывали карманы, шарили за пазухой, залезали в голенища сапог, заставляли раздеваться и разуваться. И все же Кшечковский с риском быть уволенным, выносил иногда интересные, хотя и мелкие образцы, составлял оригинальную коллекцию.

— Разве я мог бросить в шахте такие драгоценности? — сероголубые глаза Кшечковского воинственно блестят.

— Да я бы скорее сам навсегда остался с ними под землей!

Он торопливо смеется, давая понять, что угроза его шуточная, но в этой шутке слышится былая боль человека, который много выстрадал ради своего увлечения. Иные шахтеры называли Кшечковского и чудаком, и фантазером, и романтиком — ну что можно любить там, под землей? Что интересного можно найти в этой проклятой шахте, которая сушит людей, отнимает у них силы, отучает от веселья!

Но как Кшечковский ни мучился в шахте, никогда не иссякал его интерес к тайнам соляного месторождения.

Ему все-таки удалось в былые времена собрать хорошую коллекцию причудливых кристаллов соли, и Кшечковский подарил ее учителю местного лицея: пусть учит ребятишек!

Как хорошо сохраняет соль в первозданном виде оттиск листьев неведомого дерева древности—видна каждая прожилка листа, каждая волосинка. Кораллы в оправе из соли. Кусочек обугленного дерева в кристалле. Какой-то жук, засоленный навечно, на миллионы лет. Соль, остро пахнувшая нефтью. Соль, смешанная с серой, углем, речным илом.

На фото : Кшечковский уходит в поиск по старинным ходам.

Лишь сделавшись мерничим, Кшечковский понял, как плохо он знал шахту прежде. Ныне он ознакомился с геологическими картами, с самым старым планом шахты, который составил геометр Марчин Герман в 1631 — 1638 годах.

Теперь Кшечковский ежедневно ходил и ползал по шахте шесть-восемь часов, он забирался в такие тайники и закоулки, о которых раньше и не подозревал.

Величка — небольшой городок, он лежит неподалеку от Кракова, в красивой холмистой местности. Величка расположилась на склоне горы, которая охватывает городок полукругом. Каждая улочка, каждый дом на виду, так что заблудиться в Величке попросту немыслимо.

Но под маленьким городком лежит второй, подземный город, и он значительно больше того, который мы увидели в один огляд со всеми его домами, садами, монастырем, шахтными зданиями и соляной мельницей.

Подземному городу около тысячи лет; есть сведения, что еще в 1044 году в Величке существовали соляные копи. За эти девятьсот лет добытчики соли изрыли месторождение так, что если сложить вместе все выработки, все штольни — они вытянутся в длину на сто восемьдесят шесть километров. Можно себе представить, как замысловат и запутан лабиринт улочек, переулков и тупиков подземного города, расположенного в несколько этажей, и как трудно там ориентироваться. К тому же этот лабиринт сильно вытянут в длину, так как с севера на юг месторождение простирается на километр, а с востока на запад — на семь километров.

В Величку едут и едут туристы. Они едут сегодня из всех воеводств Польши, из других стран. Все новые и новые записи появляются в объемистой книге отзывов, которая насчитывает не один век, в этой книге сохранились подписи Гете, Монюшко и многих других знаменитостей.

Экскурсанты опускаются в шахту на лифте, они ходят по подземным коридорам и залам, где горит электрический свет, волшебным образом отраженный миллионами кристаллов соли; экскурсанты переходят с этажа на этаж по удобным лестницам, держась за перила, отполированные тысячами ладоней; экскурсанты любуются великолепным искусством резчиков — в просторных гротах устроены подземные часовни, а фигуры святых, барельефы, алтари, люстры, скамьи для молящихся — все, все вырублено, высечено, вырезано, вытесано из каменной соли. И когда в часовне святого Антония зажигается свет, люстра, висящая под потолком, излучает нестерпимый блеск, словно вся она унизана бриллиантами. Экскурсанты осматривают подземные озера, которые, однако, не делают воздух в шахте влажным; воздух здесь необыкновенно сухой. Местные жители считают его целебным для детей, больных коклюшем, и поэтому нередко можно увидеть в шахте женщин, которые часами сидят там с детьми на руках.

Экскурсанты, если не считать нескольких ученых, никогда не заглядывали на глухие окраины подземного города: что им делать в шахтных дебрях? А между тем очень интересно было дать им наглядное представление о добыче соли в давние времена, собрать и показать редкие образцы соли, все ее виды и

разновидности.

Так родилась мысль открыть подземный музей, он мог бы отлично разместиться в пустующем гроте Сенкевича.

Около года длилась подготовка к открытию музея, и за это время Кшечковский совершил немало опасных и смелых путешествий по пустынному подземному городу. 2 декабря 1951 года в гроте Сенкевича торжественно открыли музей, но Кшечковский неумоимо продолжает поиски экспонатов.

В день, когда Кшечковский отправляется в очередной поиск, он встает задолго до того, как прогудит могучая шахтная сирена. Если бы в его распоряжении был весь день) А он должен вернуться до часу дня. В этот час запальщики производят отпалку. Взрывы могут быть и за несколько километров, так далеко, что они отдаются в ушах глухим эхом, но подземные толчки крайне опасны, даже когда их не улавливает ухо. Эти далекие взрывы вызывают сотрясения и обвалы в заброшенных камерах.

Никто не провожает Кшечковского, уходящего в поиск, и сам он не любит проводов, не любит никого посвящать в свои планы. Что Кшечковский берет с собой в дорогу? На груди висит карбидная лампа, она рассчитана на восемь, самое большее на девять часов. На голове — каска. В руке — кирка, в ящике для находок небольшой сверток с едой.

— И вы совсем не берете еду про запас? — удивляюсь я.

— А зачем? — говорит Кшечковский.

— На всякий случай.

— Вернусь во-время — проголодаться не успею. Ну, а если случится обвал или заблужусь... Разве еда спасет?

И вот человек остается наедине с месторождением каменной соли. Он то шагает во весь рост, то идет пригибаясь, то ползет. Шаткие отсветы лампы пляшут по стенам, потолку. Белое безмолвие пластов окружает человека. Все дальше уходит от мест, где еще сравнительно недавно добывали соль. Вот на стене «ходника» вырезана цифра «1810», отсюда брали соль полтора-два года назад. Но человек шагает, ползет, снова шагает и снова переползает по узким лазам все дальше и дальше. Ничего живого вокруг. Тишина и мрак. Вот старинные площадки, факелы, тачки, инструменты — картина прошлого встает перед глазами Кшечковского. Этому запустению несколько веков. Все осталось в таком виде, как оно выглядело, когда отсюда в последний раз ушли рудокопы.

Все толще слой соляной пыли под ногами. Ноги выше щиколотки погружаются в эту мягкую пыль. Кшечковский снова сверяется с картой. Это старинная карта, ее составили, еще когда мерой длины были локти и сажени. И как знать, может быть, Франтишек Кшечковский — единственный человек, который в середине двадцатого века практически пользуется этими старинными мерами длины!

Он вновь и вновь настороженно вглядывается в боковые «ходники», в ответвления, ниши. Главное — не заблудиться, не сбиться с пути. Нужно все время напряженно запоминать обратную дорогу, для чего следует делать зарубки на стенах. Все мягче ковер соляной пудры под ногами. Кшечковский

уже определил, что в последний раз рудокопы работали здесь триста-четырееста лет назад. И с тех пор как они ушли отсюда, здесь не ступала нога человеку. Хорошо, что пыль под ногами лежит таким толстым слоем и приглушает шаги. Кшечковский, совсем как бывалый разведчик на войне, еще раз проверил все свое снаряжение. Ничего не бренчит, не скрипит, не шуршит, не звенит, не тренькает. Опасно нарушать могильную тишину заброшенных камер и гротов. Нужно идти неслышно, не шаркая, не кашляя, не чихая, не дыша тяжело и не размахивая руками, потому что кто знает, как поведет себя соль, которая зловеще нависает над головой белыми глыбами, сталактитами, утесами. Так далеко нужно пробраться сегодня Кшечковскому, ему так дорого время, а тут приходится передвигаться с такой раздражающей медлительностью. Даже шорох или дуновенье воздуха может вызвать опасный обвал.

Пока не было случая, чтобы Кшечковский заблудился. Подобно тому как сапер может ошибиться один раз в жизни, подземный разведчик может лишь однажды в жизни заблудиться. Но было так, что Кшечковскому, в силу обстоятельств, пришлось возвращаться обратно по своим следам: иной дороги не было. Дело происходило в шахте «Марчин» на глубине ста семидесяти пяти метров, ниже четвертого горизонта. Обратный путь всегда труднее. Тут и молодой человек устанет, если ему придется ползти на четвереньках километры, то подниматься, то опускаться по старым лестницам. Эти лестницы в заброшенных выработках шахты «Марчин» так обросли солью, что скользкие ступеньки их почти срослись между собой.

— Да, обратный путь всегда труднее, — раздумчиво повторяет Кшечковский. — Если идешь налегке, без интересных находок — значит, устал от бесплодных поисков. А если идешь с хорошей добычей — значит, устал ее тащить.

А в тот день, о котором идет речь, Кшечковский подобрал тяжелое деревянное колесо от старинной тачки. Хорошо, что на четвертом горизонте не нужно опасаться газа. Кшечковский миновал просторный грот, скатился затем вниз, как с крутой снежной горки, и сел отдохнуть, закурил. То ли от шума, то ли от ветерка, но за его спиной внезапно раздался зловещий гул и грохот. Обвал! Своды рушились поблизости, и соляная пыль окутала Кшечковского едким облаком. Это белое облако могло бы стать саваном, если бы обвал случился на минуту раньше. Соль набилась в рот и в нос, а в ушах звенело так, словно Кшечковский сидел на паперти костела, а неумимый звонарь бил в большой колокол.

Тускло замерцала в густой пыли лампочка. Гори, гори, шахтерская лампочка, гори и не гасни, животворный, спасительный огонек! Не погуби горняка, который только что счастливо избежал подземного обвала! Светит благословенный живучий светлячок, неяркие лучи пробиваются сквозь пыль, указывают дорогу к жизни. Эту лампу зарядили надежные руки. Человек, который сыпал в нее карбид, знал, что неисправность повлечет за собой гибель ее хозяина.

Когда облако, вызванное обвалом, улеглось, Кшечковский увидел, что произошло. С высоты в десяток метров низринулся потолок грота, и эта лавина увлекла огромные массы соли. Позади, там, где только что прошел Кшечковский, возвышалась новорожденная гора. А ведь обвал мог произойти и

после того, как Кшечковский прошел по этому гроту в первый раз — тогда, бы обратного пути ему не было. Но не в характере Кшечковского долго рассуждать по поводу того, что было бы. Интереснее определить на глаз, сколько он сейчас ненароком «добыл» соли. И он уже совершенно спокойно и рассудительно прикинул: там обрушилось вагонов двадцать, никак не меньше. Кшечковский с огорчением подумал, что соль эта навсегда останется лежать без всякой пользы, потому что к ней нет удобного доступа.

Кшечковский переждал, снова взвалил на себя багаж и двинулся вперед. Если только его старые часы не врут, приближается время отпалки. Мало ли какие сюрпризы может еще преподнести сегодня старик «Марчин», а Кшечковскому и пережитого достаточно. И он ускоряет шаг: скорей бы убраться подальше от того места, где страх проникает даже в кости.

Франтишек Кшечковский водит туристов ло шахте и дает объяснения при осмотре музея. Он в форме польского горняка.

Кшечковский показывает экспонаты, водит по залам подземного музея, который сейчас значительно расширился. Он дает пояснения не тем заученным тоном, который вырабатывается у многих экскурсоводов и музейных работников. Он сам не устает удивляться, восхищаться, и есть вещи, о которых он никогда не научится говорить без волнения.

А есть образцы, которые он не умеет показывать без улыбки. Это счастливая улыбка искателя, удачливого разведчика, который гордится своими находками, добытыми из далеких эпох.

Финики, заключенные в кристалл соли. Жемчужины, хвойные шишки, орехи в подобной же оправе. Засоленный бивень мамонта. Ствол низкорослого деревца давно вымершей породы.

Соль под названием «старик», потому что ее поверхность вся в морщинах, — эта соль была когда-то залита водой и кристаллизовалась дважды.

«Орлова» соль — белая как снег, крупнозернистая. Ее добывали только в одном забое. И она шла только на королевский стол. Бочки с этой солью были опечатаны специальной печатью с орлом, отсюда и пошло ее название.

Бадьи, тачки, бочки, ящики на полозьях, шкивы, пропитанные солью настолько, что потеряли способность гореть. Это средневековая шахтная утварь. Она изготовлена триста-четырееста лет назад.

Обычная деревянная лестница так обросла кристаллами соли, что похожа на лестницу из жилища сказочного волшебника.

Соль, пропитывая дерево, сообщает ему долговечность. И насколько соль добра к дереву, настолько она безжалостна к железу. Соль разъедает железо, превращает его в ржавый прах. Отказываются служить вбитые предками гвозди, скобы; обручи превратились в ломкие ржавые стручья, в труху.

Там же под землей можно увидеть старинный ворот, которым когда-то с глубины ста тридцати пяти метров подымали бадьи с солью. Поражает и мощь этого ворота двенадцати метров в диаметре и толщина пенькового каната. Восемь слепых лошадей, запряженных попарно, и их погонщики всю свою жизнь кружились на этой исполинской карусели. О силе ворота можно судить по устройству тормоза, стоящего сбоку.

Глухие удары заставляют меня насторожиться.

— Кто это за стеной бьет молотом?

— За стеной? — Кшечковский с удовольствием смеется надо мной. — Это с полкилометра отсюда соль рвут.

Я смотрю на циферблат—час дня. Пол слегка подрагивает под ногами. Не затихают звучные удары. И мне становится понятно, почему подземный разведчик во время поисков вынужден опасаться этой отпалки. Ведь этот пол одновременно является и потолком грота, коридора или забоя, расположенного ниже!

Тысячи и тысячи экскурсантов проходят через три зала подземного музея. Затем они уходят из музея, подымаются на поверхность, осматривают действующий рудник. Там властвуют машины. Машина берет как бы подмышки вагонетку с солью и перевертывает ее, машина развешивает и упаковывает готовую соль в бумажные кульки — хоть сейчас рассыпай по солонкам.

Всюду — на крышках исполинских котлов, на стропилах кровли, на козырьках кепок у солеваров, на лестничных перилах — белеет соль. Как после снегопада

в безветренную погоду, когда снег неподвижно лежит в своей первородной чистоте.

Но многие ли люди, осмотревшие музей и рудник, знают, какого самоотверженного труда потребовало устройство музея, поиски иных экспонатов, сколько сделал для музея этот художавый немолодой человек?

В свободное время, когда музей закрыт и снята шахтерская каска, Кшечковский сидит над книгой, опершись рукой о седой висок. Он читает книги по геологии, ботанике, минералогии. Он уже не запинается на слове «палеонтология». Само представление о времени у него изменилось, и он вдруг говорит тоном ученого:

— Так это же было недавно, всего полтора года лет назад!

Он подробно рассказывает о том, как к концу третичного периода климат становился все более холодным. Он вычисляет: тому засоленному финику с косточкой пятнадцать миллионов лет.

По воскресеньям Кшечковский подолгу просиживает в Величке на тихой улице у своего старого друга, такого же энтузиаста подземного музея, художника и геолога Альфонса Длугоша. Оба изучают находки Кшечковского, читают старинные карты, всматриваются в фотографии, сделанные Длугошем, ведут научные наблюдения, пишут письма и отправляют посылки ученым.

Немало польских ученых изучают находки Кшечковского. Имя Франтишека Кшечковского знакомо сегодня и профессору Поборскому из горной академии в Кракове, и профессору Заблоцкому из университета в Торуня, и профессору Шаферу из Ягеллоновского университета в Кракове, и другим.

— Эх, слишком поздно родилась народная Польша! — вздыхает Кшечковский.
— Лет бы на двадцать раньше. Или я, — он несмело улыбается, — родился слишком рано. За такие книги надо смолоду садиться, пока мозги еще не просолены насквозь!

Когда приходит время закрывать музей, Кшечковский подымается в лифте вместе с детьми, которых врачует от коклюша воздух соляных копей.

Кшечковский неторопливо шагает по улицам Велички, щурится от яркого солнечного света, к которому каждый день приходится после шахты привыкать заново, щурится от ярких красок летнего дня, к которым тоже приходится привыкать заново, ведь там, внизу, царят только два цвета — белый и черный. Как красива земля, когда смотришь на нее после работы в шахте!

Он шагает в свою деревеньку Павликовице. Дорога, поля по обеим сторонам ее, сады и луга — все, что он видит вокруг, представляется ему не только землей, как другим пешеходам, но и крышей подземного города.

Техника-Молодежи 5.1956

Используются технологии [uCoz](#)